

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ПСИХОЛОГИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. В. Торопова,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
Москва, Российская Федерация, 119435

Аннотация. В статье представлены вводные обоснования антропологического подхода в сфере психологии музыкального образования, обозначены целевые установки, определяющие «антропологический поворот» в содержании психологического блока дисциплин вузовского музыкально-педагогического образования. Развитие антропологической направленности ряда дисциплин привело к появлению самостоятельного авторского курса «Музыкально-психологическая антропология», где ценностные ориентации культур изучаются сквозь призму музыкальных антропопрактик, обеспечивающих воспроизведение или трансформацию общественного пространства через присвоение или отторжение ценностных установок субъектом культуры и образования в виде присоединения к музыкальным традициям и формам или порождении новых экспериментальных практик. Методологические основания для сравнения внутренних ценностных установок разных культур представлены в статье как интерпретация пяти биполярных шкал Г. Хофстеде. Продуктивность представленного антропологического подхода определяется высокой познавательной активностью слушателей курсов, их эмоциональной вовлечённостью в проектную деятельность на основе разработанных методических инструментов – анализа типов поведения при воспроизведении, восприятии и порождении музыкальных антропопрактик в традиционных и современной культурах, изучении их материальных и идеальных артефактов (музыкальных инструментов и средств сохранения и передачи опыта, системы средств интонационной выразительности).

Ключевые слова: антропологический подход, «антропологический поворот», музыкальное образование, субъект культуры и образования, психология музыкального образования, музыкально-психологическая антропология, биполярные признаки культур, музыкальные антропопрактики, типы поведения, материальные и идеальные артефакты.

Благодарность. Автор выражает благодарность кафедре методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Института

© Торопова А. В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

изящных искусств МПГУ за поддержку направления исследований и авторских курсов.

Для цитирования: *Торопова А. В.* Антропологический подход в сфере психологии музыкального образования // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. 2023. Т. 11. № 1. С. 48–61. DOI: 10.31862/2309-1428-2023-11-1-48-61.

DOI: 10.31862/2309-1428-2023-11-1-48-61

ANTHROPOLOGICAL APPROACH IN THE FIELD OF PSYCHOLOGY OF MUSICAL EDUCATION

Alla V. Toropova,

Moscow Pedagogical State University (MPGU),
Moscow, Russian Federation, 119435

Abstract. The article presents introductory justifications of the anthropological approach in the field of psychology of music education. The goals of the “anthropological turn” in the study of the disciplines of the psychological block in higher education in music and pedagogy are formulated. The development of the anthropological orientation of a number of disciplines led to the emergence of an independent author’s course “Musical and psychological anthropology”. In this course, the value orientations of cultures are studied through the prism of musical anthropological practices. This allows you to reproduce and transform the public space through the appropriation or rejection of values by the subject of culture and education. In other words, participants in the educational process join musical traditions and forms or offer new experimental practices. The article discusses the method of comparing the internal value orientations of different cultures. This technique is based on the interpretation of the five bipolar scales by G. Hofstede. The effectiveness of the proposed anthropological approach is determined by the high cognitive activity of course participants. Students are emotionally involved in project activities. They participate in the analysis of types of behavior in the reproduction, perception and generation of musical anthropological practices in traditional and modern cultures, study the material and ideal artifacts of culture – musical instruments, means of preserving and transferring experience, systems of means of intonation expressiveness.

49

Keywords: anthropological approach, “anthropological turn”, music education, subject of culture and education, psychology of music education, musical and psychological anthropology, bipolar signs of cultures, musical anthropological practices, types of behavior, material and ideal artifacts.

Acknowledgment. The author expresses his gratitude to the Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Musical Education named after E. B. Abdullin

of the Institute of Fine Arts of the Moscow Pedagogical State University for supporting the direction of research and author's courses.

For citation: Toropova A. V. Anthropological Approach in the Field of Psychology of Musical Education. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Music Art and Education*. 2023, vol. 11, no. 1, pp. 48–61 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2023-11-1-48-61.

Введение

Что и как изучать в сфере психологических дисциплин вузовского музыкально-педагогического образования – эти вопросы являются движущей силой становления, развития и разветвления содержания направления «Психология музыкального образования». Музыкальная психология дала импульс к разработке данного направления в русле изучения общих механизмов, типологических и индивидуальных особенностей протекания и развития музыкально-познавательных процессов, эмоциональных переживаний и сознательно-бессознательных музыкальных предпочтений личности. Но даже в таком изучении *психологии человека музыкального* постепенно вызревала необходимость разработки антропологического подхода к рассмотрению всех названных проблем в силу понимания культурной относительности музыкальных проявлений и антропопрактик. Данный подход в обозначенной научной сфере связан с общей тенденцией гуманитарного знания, в чём педагогическая и психологическая наука имеет собственные ориентиры и цели.

Антропологический поворот – понятие, появившееся в философии конца XX века и ознаменовавшее собой осознание главным предметом и условием познания человека как субъекта знания, как автора образов или картин мира и критериев истинности этих картин, что оформилось в виде дисциплины в *философскую антропологию*. При этом,

как отмечает ряд авторов, таких «поворотов» в истории философии и гносеологии можно выделить несколько: в эпоху становления первого пранаучного мировоззрения Античности о закономерностях бытия человека [1], в философской антропологии начала XX века [2], в «постмодернистской чувствительности» конца XX века к фрагментарности представлений человека о себе [3; 4] и в современных дискурсах о человеке в *эпоху неопределённости* [5], в потоке «текущей реальности» [6].

«В настоящее время можно отметить актуализацию проблематики, связанной с осмыслением ситуации, в которой оказался современный человек, – пишет С. А. Смирнов. – Многие авторы отмечают влияние ряда серьёзных вызовов, носящих не только технологический, но и онтологический характер. <...> Различные авторы отмечают как отставание антропологической мысли от современных трендов, так и давно наметившийся концептуальный и языковой дефицит в антропологическом дискурсе, не позволяющий понимать то, что происходит с человеком сегодня» [7].

С появлением и развитием культурологического подхода и науки в целом сразу и синхронно стала развиваться культурная и психологическая антропология – науки о человеке разных культур, о запечатлении ценностей и жизненно значимых переживаний Человека, представителя рода, клана, этноса, религии или конфессии [8; 9; 10], в том числе в

феноменах музыкальной культуры (в статье именно о ней идёт речь) [11].

Таким образом, от изучения культурных артефактов, истории и теории музыки, музыкальных произведений, композиторских и исполнительских стилей к концу XX века рядом исследователей [11; 12] был совершён «антропологический поворот» к человеку – творцу всего перечисленного. Поиск особой «призмы» для исследований в области культурно-психологической антропологии породил интерес к *антропопрактикам*, которые включают в свой круг все реализуемые разными обществами формы культуры и её воспроизведения.

Нужно ли психологии музыкального образования и музыкальному образованию в целом обращение к философской, психологической и культурной антропологии для выбора или построения рабочего дискурса о человеке, с которым мы имеем дело в современной педагогической практике? Вопрос риторический, несомненно – да.

Можно ли говорить в содержании музыкального образования о музыкальных эпохах, стилях, жанрах и образовательных практиках как о *самодостаточных и абсолютных ценностях вне человека*, их создавшего, их потребляющего, их производящего или отторгающего? Несомненно – нет.

Моё авторское понимание и стремление восполнить концептуальный и понятийно-языковой дефицит, особенно остро ощущаемый в музыкально-антропологическом дискурсе, привели к появлению *концепции музыкально-языкового сознания личности и общества*, которая легла в основание курса «Музыкальной психологии и психологии музыкального образования» со своим тезаурусом и подходами к изучению в учебном и научном планах.

Концепт музыкально-языкового сознания личности и общества

В музыкальной психологии (человека) и психологии музыкального образования в моей авторской программе 1997 года появился раздел – *музыкальное сознание личности и общества*, позже трансформировавшийся в проблематику изучения и развития *музыкально-языкового сознания человека как представителя определённой культуры и индивидуально-психологических особенностей музыкального сознания личности* [13]. Эти темы, разделы и проблемы позволили обратиться к вариативности и избирательности в восприятии музыки, выявлению индивидуальных архетипов исполнительского интонирования, пониманию качественно своеобразной структуры музыкальности и интегральной индивидуальности музыкального сознания каждого человека [14].

Эти темы приблизили получающего музыкальное образование специалиста к пониманию, что такое субъект-субъектные отношения в музыкально-педагогическом процессе, как трудности и противоречия между субъектами могут являться препятствиями к успешному обучению и т.д.

Но поворот к субъекту не может ограничиться только наполнением дисциплины «Музыкальная психология и психология музыкального образования» темами и проблемами индивидуальных особенностей и вариативности стратегий учения субъекта на пути к его аутентичности и самореализации в музыкальной деятельности. Субъект образования всегда одновременно и носитель определённой культурной идентичности. Но какова методология изучения, наблюдения за процессами обучения музыке как антропопрактиками и самонаблюдения за собой как субъектом не свободным от давления стереотипов и представлений, связанных ему «своей культурой»?

Музыкально-психологическая антропология

Методологию изучения субъекта музыкального образования и культуры я предложила и апробировала в курсе, который продолжает развиваться и наполняться новыми «поворотами к человеку, творящему и узнающему себя» в зеркале музыкальных форм, событий и антропопрактик, – «Музыкально-психологическая антропология» [15].

Исходными посылами для построения методологического фундамента курса стали представления о том, что целью всех культурных практик в любом обществе является воспроизведение своей культуры, которое возможно только если будут продолжать появляться носители этой культуры (этнофоры), её ценностей и особенностей, потенциала к развитию и способности самой культуры в лице её «модальной личности» (определение Рут Бенедикт [16], разработанное Дж. Хонигманом [17]) следовать и отвечать (медленно или быстро, долго ли коротко) меняющемуся времени, «текучей современности». Как те или иные музыкальные традиции или музыкально-образовательные институции могут быть изучены с позиции целостной *антропопрактики*, актуальной для определённого сообщества (городской, этнической, социальной группы и иных групп людей современных обществ)? Этот вопрос требовал методологической разработки и определения основных дефиниций.

Сущность музыкальных и музыкально-образовательных антропопрактик

Антропопрактики – это, по мысли Мишеля Фуко, «практики себя» или «культура себя». В переводе с французского и

толковании С. С. Хоружего: «Практика себя получает у Фуко целый ряд дефиниций. Приведём для начала две из них. Практики себя – это “некоторые процедуры, существующие, безусловно, в любой цивилизации, предлагаемые или предпринимаемые индивидам для закрепления их самоидентичности, её поддержания или изменения; и возможные благодаря отношениям владения собой или познания себя”. И это также “намеренные и отрефлексированные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но и стремятся преобразовать самих себя, измениться в своём уникальном бытии, сделать свою жизнь собственным производением”» [18, с. 499–501].

В. М. Розин, развивая мысли М. Фуко, С. Хоружего, продолжает: это – «направленные трансформации, которые определяются некоторой заданной общеантропологической целью. В одном случае эта цель обозначена как конституирование (обретение, хранение, смена) идентичности человека, в другом – как обеспечение “доступа к истине”» [19, с. 16]. То есть речь идёт о трансформационных практиках, порождаемых общественным и/или индивидуальным сознанием человека разных культур на разных этапах его развития в фило- и онтогенезе.

В практиках направленных трансформаций исстари огромное место занимали экспрессивные и/или мусические искусства. Ритуалы «перехода» на новые жизненные этапы, обряды инициации, обряды изменения статуса (свадьбы, рождение детей и др.) были синкретически и интонационно-символически оснащены. *Музыкальные антропопрактики* – это *практики* звукового (музыкального) и двигательного-пластического (обрядового, танцевального и

театрального) *соинтонирования*, то есть это намеренные и повторяемые процессуальные события, выполняющие функции:

- сохранения уникальной идентичности своего рода, этноса, религиозной или трудовой группы;
- социальной поддержки и общения внутри сообщества;
- разделения общих переживаний или обмена личными эмоциями и чувствами;
- выполнения ритуалов восхваления покровителей из высшего мира, лечения, исправления, сопровождения членов общины в трудные периоды жизни.

Современные формы музыкальной культуры и множества субкультур, включая образовательные институции и технологии, также могут быть отрефлексированы посредством специально разработанных или адаптированных аналитических инструментов изучения культур сквозь призму актуальных музыкальных антропопрактик.

Методология изучения антропопрактик

Процедуру анализа «измерений культуры» по наблюдаемым в музыкальной и музыкально-педагогической практике признакам можно смоделировать на основе теории измерений культур Г. Хофстеде [20], что и было мною предложено в курсе в качестве одного из инструментов научного подхода к рефлексии студентов как субъектов определённой культуры и образования (обучающимся из Китая и России).

Категории Хофстеде, по которым можно описать отличия культур друг от друга и предсказать поведение человека,

исходя из признаков его культуры, включают пять биполярных шкал:

- индивидуализм – коллективизм;
- большая дистанция власти – малая дистанция власти;
- высокий уровень избегания неопределённости – низкий уровень избегания неопределённости;
- маскулинность – фемининность;
- долгосрочная временная ориентация – краткосрочная временная ориентация [Там же].

Иллюстрируя признаки по шкале *индивидуализм – коллективизм* на примере музыкальных феноменов разных культур, можно привести примеры:

1) корейской культуры Дурэ (Дурэ – это широко известный и очень важный вид общинной культуры Кореи, признанный одной из культурных основ самосознания корейского народа и породивший формы общинного музицирования Пхунмуль *풍물* и Нонак *농악*¹);

2) русский хоровод, антропопрактика общинного бытия и сознания, в настоящем сохранившаяся практически только в опосредованной форме эстрадного или фестивального действия, оперных сцен классической музыки.

В таких коллективных практиках нет индивидуального авторства, как например в знаменитом произведении в китайском стиле Концерт для фортепиано с оркестром «Жёлтая река», где имеется несколько авторов: Инь Чэнцзун, Чу Ванхуа, Шэн Лихонг, Лю Чжуан и др. «Такое трудно представить в сознании западной академической традиции, но органично сложилось в рассматриваемом произведении, завоевавшем сердца китайских музыкантов и слушателей в эпоху перемен» [21].

¹ Из неопубликованных материалов исследования Ео СуМина, аспиранта кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования (научный руководитель А. В. Торопова).

Иллюстрацией тенденции к усилению *полюса индивидуализма* в культуре может служить факт повышения значимости сольных выступлений и записанных альбомов с указанием авторства или интерпретации, самопредъявления музыканта в импровизации в совместных «джемах», перформансах и других феноменах джазовой культуры.

Признак «*большая дистанция власти – малая дистанция власти*» можно проиллюстрировать особенностями социально-нормативных отношений в музыкально-образовательной среде и принятыми негласными правилами обращения к учителю, а также:

- доступностью или недоступностью к управлению процессом обучения или исполнительским коллективом;
- возможностью обмена мнениями по всем вопросам интерпретации или организации репетиционного процесса «по вертикали», умение слышать тех, кто «ниже».

Избегание неопределённости в музыкальных антропопрактиках наблюдаемо в приверженности к «канонам», где с каноническим искусством сопряжено избегание неизвестности и риска при исполнении, при этом порицание ошибок и отступлений от канона (то есть «цена ошибки» отклонения в интонировании велика, что мы знаем, например, по свидетельствам историков культуры, в описании практик ацтеков есть данные о казни фальшиво поющих учеников из кальмек – школ для певчих [22]). А с искусством индивидуальной импровизации сопряжены готовность к стрессу, принятие риска ошибки или отклонения от принятых эстетических норм и разногласий со взглядами и вкусами других исполнителей или слушателей. Толерантность к неопределённости безусловно связана с фактором коллективизма-индивидуализма, но эти парные связи

признаков требуют отдельного обсуждения и исследования на материале музыкальных традиций и их восприятия в современном мире.

Категории *маскулинности-феминности культур*, по Хофстеде, выражаются в следующих проявлениях. В случае маскулинности – в феноменах доминирования представлений об особой роли «мужского начала»: высокой ценности материальных вещей, власти, представительности, различий в социальных ролях мужчины и женщины в обществе, ценностей таких психологических качеств, как амбициозность, независимость, активность и достижение. В случае феминности культуры – в выраженной ценности «женского начала» и самого «голоса женщин» в культуре, а также поощрении таких качеств личности человека культуры как ценность переживаний, чувств и эмоций, значимость проблем смысла жизни, отсутствие строгой фиксации половых ролей в семье и/или профессии, взаимная помощь друг другу, забота и щедрость. Эти признаки наблюдаемы в составе исполнителей любой музыки или традиционной практики от типичных «мужских» или «женских» жанров и обрядов до современных исполнителей, играющих один репертуар вне зависимости от пола и занимающих место в оркестре, имея не гендерные, а только индивидуальные ограничения.

Заключительная пара признаков, по Г. Хофстеде, также именуемая *шкалой прагматизма культур*, показывает либо долгосрочную временную ориентацию (прагматизм) и нацеленность на будущие успехи, что обеспечивается настойчивостью, бережливостью, чувством стыда за неуспех, статусный принцип взаимоотношений между представителями определённой культуры, либо краткосрочную временную ориентацию на удержание

прошлого в настоящем (традиционализм), что проявляется в низких показателях динамики и динамичности культурных событий, подозрительности к появлению новых практик, поощрению инициативы, гибкости в пристраивании новых обстоятельств к старым практикам, в устойчивости, стабильности ритуализированных форм.

Сквозь призму данной теории сравнения и измерения культур можно сделать неожиданные открытия о тех общих, особенных и единичных признаках, характеризующих неизменные или изменяющиеся музыкальные антропологические практики, на которых устроена в каждой культуре не только традиционная или современная концертная жизнь общества, но и музыкальное образование как институализированная антропологическая практика [23].

Субъект музыкально-образовательных антропологических практик

Именно так разработанные и представленные мною дисциплины возвращают обучающихся и обучающихся к себе, к осознанию себя субъектом *музыкального образования*. Если понимать музыкальное образование во всех разнообразных его формах и видах, институализированных или народных, письменных или устных, контактных или дистанционных как ряд антропологических практик, то есть форму консервации или трансформации человека, то можно увидеть много интересного и нового.

Антропологический поворот к субъекту музыкально-образовательных антропологических практик – учителю как субъекту, транслирующему доминирующие ценности, и ученику как субъекту, принимающему или отвергающему эти доминирующие ценности, – даёт нам возможность выйти из логической ловушки «непонимания» смысла собственной деятельности в силу

нахождения внутри системы ценностей и обстоятельств только их повторяющих. Разработка методологии *отстранения субъекта от объекта* и «отстранения» *обыденности через дистанцирование* наблюдателя музыкально-образовательной антропологической практики в актуализации субъекта в вопросах – кто является «заказчиком» именно такой практики и какую функцию субъект реализует (консервации, трансформации или импровизации) – даёт возможность преодоления этой логической ловушки.

«Антропологический поворот» в музыкальном образовании и культуре: о перспективе

Прежде всего встаёт вопрос, в чём заключается «антропологический поворот» в музыкальном образовании и культуре. В изучении музыкальной культуры, музыкального искусства дидактическими единицами являются понятия музыкальный жанр, стиль, форма, лад, склад и фактура, позволяющие изучить музыкальные произведения в их историческом и культурологическом контекстах. Но с появлением идеи Субъекта культуры возникает необходимость задаваться вопросами, почему в ту или иную эпоху, в той или иной культурной традиции или в новых экспериментальных практиках ценности и смыслы, потребности и переживания конкретных людей определённой культурно-исторической ситуации нашли именно такую, а не иную выразительную форму, матрицу своей культуры.

Интерес к *субъекту культуры*, музыкальной культуры в частности, связан с пониманием того, что музыку творит не абстрактный среднестатистический человек, а Субъект, то есть автор, от первого лица творящий, воспроизводящий или отвергающий тот материал культуры,

который ему достался вместе с местом и временем бытия. Поэтому изучать *культурные артефакты – идеальные* (музыку в её произведениях, стилях, жанрах и направлениях, музыкальное мышление как способ интонирования смыслов в ладовых и метроритмических рамках), *или материальные* (музыкальные инструменты, способы записи музыки на разных носителях, объекты, сохраняющие музыку и знания о музыке) отдельно от человека, субъекта, создавшего или воспроизводящего культуру в её идеальном и материальном воплощении, бессмысленно.

«Антропологический поворот» в науках ввёл субъекта как ту переменную, без которой невозможно понимать явления культуры и науки. В музыкальном образовании «антропологический поворот» также позволяет переставить акценты с трансляции знаний, приёмов и методических шаблонов определённых «школ» без ориентации на изменяющегося субъекта в современной текучей реальности на собственно субъекта, выбирающего и творящего своё музыкальное образование. Данное рассуждение весьма общо и абстрактно, пока не спущено в конкретные научные дисциплины, взявшие на себя заполнение лакуны на месте знаний о субъекте музыкального образования.

Для организации процесса исследования и самоисследования музыкального сознания студентов и актуализации профессионально-личностной рефлексии был разработан и апробирован комплекс методов музыкально-психологической антропологии: анализ идеальных и реальных артефактов музыкального сознания; анализ типов музыкального поведения; анализ архетипов интонирования; анализ кейсов «психологический комплекс модальной личности – носителя определённого музыкального стиля»; анализ прецедентных текстов музыкальной культуры

(поколенческие, этнокультурные и профессиональные предпочтения) и другие авторские методы. Разработанные методы составляют методический инструментарий исследователя, изучаемый и применяемый в соответствующем курсе в вузе для самоисследования и самопонимания студенческой молодёжи вуза (обучение через исследование) в контексте многообразия музыкальных манифестаций различных социальных, поколенных и этнических групп современного мира [24, с. 300].

Все этапы развития идей и организации исследований с привлечением аспирантов и магистрантов создавали и продолжают создавать фундамент для научно-творческой разработки проблем в контексте авторских концепций, объединяемых в рамках научной школы «Музыкально-психологическая антропология и Психология музыкального образования», которая вот уже на протяжении двух десятилетий XXI века ведёт своё построение и развитие, в начале пути – благодаря поддержке и содействию Эдуарда Борисовича Абдуллина, а теперь – на кафедре, носящей его имя.

Педагогическая модель междисциплинарного курса «Музыкально-психологической антропологии» реализует кросскультурность и инклюзивность в развитии профессионального сознания обучающихся – магистрантов и аспирантов из России, Беларуси, Украины, Китая, Южной Кореи, Сирии и некоторых других частей Света. Продуктивность представленного антропологического подхода определяется как высокой познавательной активностью слушателей курсов, так и их эмоциональной вовлечённостью в проектную деятельность на основе разработанных методических инструментов – анализа типов поведения при воспроизведении, восприятии и порождении

музыкальных антропологических практик в традиционных и современной культурах, изучении их материальных и идеальных артефактов (музыкальных инструментов и средств сохранения и передачи опыта, системы средств интонационной выразительности).

Заключение

Обращение к антропологическим основаниям современного музыкального образования целесообразно и актуально, исходя из многих предпосылок, где в числе главных – «цивилизационные трансформации общества, сознания и самосознания новых поколений обучающихся, а также изменения всего знаково-символического устройства культуры и, следовательно, необходимость рефлексии существования и деятельности в этих условиях в профессиональном музыкально-педагогическом сообществе» [25, с. 414]. Педагоги, рождённые в XX веке, оказались сейчас в другом типе

цивилизации с «другими» детьми, «другим языком», «другой музыкой», новыми технологиями работы с информацией. Переход в трансформационную фазу болезнен, о чём пишет А. Г. Асмолов [5] и говорит Т. В. Черниговская (Homo-confusus – «человек растерянный» [26]). Трансформационные процессы связаны в первую очередь с новым смысловым устройством обновляющегося мира. Смысл трансформаций не рефлексивируется в актуальном времени, но интонируется в «мусических» антропологических практиках, современных и экспериментальных формах искусства.

Антропологический подход в сфере психологии музыкального образования и, как следствие, в содержании музыкально-педагогического образования может способствовать развитию профессионально-личностной рефлексии, пониманию «других» и самопониманию личности в контексте «другости» рядом живущих и творящих свои музыкальные миры субъектов музыкальной культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика // Собр. соч. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 375–644.
2. *Шелер М.* Положение человека в Космосе (Перевод Филиппов А.) // Проблема человека в западной философии / Переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
3. *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 472 с.
4. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. С-Пб.: Гуманит. акад., 2004. 412 с.
5. *Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М.: ЯСК. 2018. С. 13–26.
6. *Бауман З.* Текучая современность. С-Пб.: Питер, 2008. 240 с.
7. *Смирнов С. А.* Антропологический поворот: его смысл и уроки. Философия и культура. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskij-povorot-ego-smysl-i-uroki/viewer> (дата обращения: 11.11.2022).
8. *Крёбер А.* Избранное: Природа культуры: перевод с английского. М.: РОССПЭН, 2004. 1006 с.
9. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры / пер.: И. Ж. Кожановская и др. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с.

10. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. 2-е изд. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2005. 624 с.
11. Мерриам А. Антропология музыки // Альманах музыкальной психологии /HOMO MUSICUS / ред. сост.: М. С. Старчеус. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 1994. С. 55–82.
12. Орлов Г. Древо музыки. СПб.: Сов. композитор; Вашингтон: Frager, 1992. 408 с.
13. Торопова А. В. Психолого-педагогическая концепция изучения и развития музыкального сознания личности / Э. Б. Абдуллин и др. // Методология педагогики музыкального образования: учебник, под ред. Э. Б. Абдуллина. М.: Гном, 2011. С. 346–357.
14. Торопова А. В. Музыкальная психология и психология музыкального образования. Учебник для магистратуры и бакалавриата, 5-е издание, исправленное и дополненное. М.: Юрайт, 2018. Новый завод, 2022. 245 с.
15. Музыкально-психологическая антропология. Учебно-методический комплекс. Сборник рабочих программ для бакалавриата и магистратуры / Автор-сост. А. В. Торопова. М.: РИТМ, 2019. 120 с.
16. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука, 2007. 360 с.
17. Хонигман Дж. Понятия. Подходы // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология / под общ. ред. А. А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 51–103.
18. Хоружий С. С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М.: Институт св. Фомы, 2010. 688 с.
19. Розин В. М. Понятие и типы антропопрактик / Антропопрактики: концепт и репертуар // Человек.ru. 2017. № 12. С. 13–33.
20. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings // Psychology and Culture, 2011, Unit 2. Retrieved from URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (дата обращения: 12.12.2022).
21. Юй Шэнлинь, Торопова А. В. Становление национального стиля фортепианной музыки в контексте истории инструментального искусства Китая / «Музыкальное искусство и образование» / Musical Art and Education. 2022. Т. 10. № 1. С. 106–121. DOI: 10.31862/2309-1428-2022-10-1-106-121.
22. Скрыбина Н. О музыкальном и поэтическом наследии цивилизации ацтеков / URL: <https://www.indiansworld.org/aztecpoet.html#.Y5XCoN5Bw2w> (дата обращения: 12.12.2022).
23. Торопова А. В. Музыкальное образование как антропопрактика // Российские педагогические ассамблеи искусств в Магнитогорске 24–27 ноября 2020 г.: сб. статей и матер. науч.-практ. конф. «Феномен детства в культуре и искусстве» / сост. Г. Е. Гун. Магнитогорск: МаГК (академия) им. М. И. Глинки, 2020. С. 12–18.
24. Tоропова А. V. Musical and Psychological Anthropology: Scientific and Educational Project // Перспективы науки и образования: Международный электронный научный журнал. 2020. № 6 (48). С. 300–310. DOI:10.32744/pse.2020.6.23.
25. Торопова А. В. Антропологический подход в музыкально-педагогическом образовании // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием г. Барнаул, 24–26 сентября 2020 года / науч. ред. Н. А. Матвеева; отв. ред. Т. П. Сухотерина. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 413–415. DOI 10.37386/978-5-88210-971-3.

26. Черниговская Т. В. Научный доклад «Человек растерянный – homo confusus и новая цифровая реальность» на заседании Ученого совета СПбГУ 30.09.2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=3V0J_rSA4Zk&feature=youtu.be (дата обращения: 11.03.2020).

Поступила 11.11.2022; принята к публикации 12.12.2022.

Об авторе:

Торопова Алла Владимировна, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования имени Э. Б. Абдуллина Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета (МПГУ) (ул. Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация, 119435), доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, allatoropova@list.ru

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aristotle *Politika* [Politics]. *Collection of Works Vol. 4*. Moscow: State Publishing House “Mysl”, 1984, pp. 375–644 (in Russian)
2. Scheller M. *Polozhenie cheloveka v Kosmose* (Perevod Filippov A.) [The Position of Man in Space (translation by A. Filippov)]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Translations by A. Filippov. Comp. and afterwards by P. S. Gurevich; General. Ed. By Yu. N. Popova. Moscow: State Publishing House “Progress”, 1988, pp. 31–95 (in Russian).
3. Deleuze J. *Logika smysla* [The Logic of Meaning]. Moscow: Publishing House “Raritet”, Ekaterinburg: Publishing House “Delovaya kniga”, 1998. 472 p. (in Russian).
4. Foucault M. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translation from French by M. B. Rakakova, A. Yu. Serebryannikova; Preface by A. S. Kolesnikov. St. Petersburg: Publishing House “Humanitarian Academy”, 2004. 412 p. (in Russian).
5. Asmolov A. G. *Psihologiya sovremennosti: vyzovy neopredelyonnosti, slozhnosti i raznoobraziya* [Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity]. *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in Mobili: Personality in the Era of Change]. Ed. A. G. Asmolova. Moscow: Publishing House “Languages of Slavic Cultures”, 2018, pp. 13–26 (in Russian).
6. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Flowing Modernity]. St. Petersburg: Publishing House “Piter”, 2008. 240 p. (in Russian).
7. Smirnov S. A. *Antropologicheskij povorot: ego smysl i uroki* [Anthropological Turn: its Meaning and Lessons]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2017, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologichey-povorot-sego-smysl-ioroki/viewer> (accessed: 11.11.2022) (in Russian).
8. Kreber A. *Izbrannoe: Priroda kul'tury* [Selected: Nature of Culture]. Translation from English. Moscow: Publishing House “ROSSPEN (Russian Political Encyclopedia)”, 2004. 1006 p. (in Russian).
9. Malinovsky B. *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected: Dynamics of Culture]. Translation by I. J. Kozhanovskaya et al. Moscow: Publishing House “ROSSPEN (Russian Political Encyclopedia)”, 2004. 960 p. (in Russian).

10. Lurie S. V. *Psichologicheskaya antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* [Psychological Anthropology: History, Current State, Prospects]. 2nd ed. Moscow: Academic Project; Alma Mater, 2005. 624 p. (in Russian).
11. Merriam A. Antropologiya muzyki [Anthropology of Music]. *Al'manakh muzykal'noj psikhologii HOMO MUSICUS = Almanac of Musical Psychology Homo Musicus*. Ed. Comp. M. S. Starcheus. Moscow: Publishing House of Moscow State Conservatory (University) Tchaikovsky, 1994, pp. 55–82 (in Russian).
12. Orlov G. *Drevo muzyki* [Tree of Music]. St. Petersburg–Washington: State Publishing House “Soviet Composer”: Frager branch, 1992. 408 p. (in Russian).
13. Toropova A. V. Psikhologo-pedagogicheskaya kontseptsiya izucheniya i razvitiya muzykal'nogo soznaniya lichnosti [The Psychological and Pedagogical Concept of the Study and Development of the Musical Consciousness of the Individual]. *Metodologiya pedagogiki muzykal'nogo obrazovaniya* [Methodology of Pedagogy of Musical Education]. Textbook. Ed. E. B. Abdullin. Moscow: Publishing House “Gnome”, 2011. pp. 346–358 (in Russian).
14. Toropova A. V. *Muzykal'naya psikhologiya i psikhologiya muzykal'nogo obrazovaniya* [Musical Psychology and Psychology of Musical Education]. A Textbook for Magistracy and Undergraduate, 5th ed., corrected and supplemented. Moscow: Publishing House “Yurajt”, 2018; “Novyj zavod” 2022. 245 p. (in Russian).
15. *Muzykal'no-psikhologicheskaya antropologiya* [Musical-Psychological Anthropology]. Training and Methodology Complex. Collection of Work Programs for Undergraduate and Master’s Program. Author-Comp. A. V. Toropova. Moscow: Publishing House “Rhythm”, 2019. 120 p. (in Russian).
16. Benedict R. *Khrizantema i mech. Modeli yaponskoj kul'tury* [Chrysanthemum and Sword. Models of Japanese Culture]. Moscow: Publishing House “Nauka”, 2007. 360 p. (in Russian).
17. Honigman J. Ponyatiya. Podkhody [Concepts. Approaches]. *Lichnost', kul'tura, etnos. Sovremennaya psikhologicheskaya antropologiya* [Personality, Culture, Ethnos Modern Psychological Anthropology]. General Ed. by A. A. Belik. Moscow: Publishing House “Smysl”, 2001, pp. 51–103 (in Russian).
18. Khoruzhy S. S. *Fonar' Diogena. Kriticheskaya retrospektiva evropejskoj antropologii* [Light of Diogenes. Critical Retrospective of European Anthropology]. Moscow: Saint Thomas Institute of Philosophy, Theology and History, 2010. 688 p. (in Russian).
19. Rozin V. M. Ponyatie i tipy antropopraktiki [The Concept and Types of Anthropopractics]. *Antropopraktiki: koncept i repertuar* [Anthropopractics: Concept and Repertoire] Chelovek.ru. 2017, no. 12, pp. 13–33 (in Russian).
20. Hofstede G. DimenSionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings. *Psychology and Culture*, 2011, Unit 2. Retrieved from URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8> (accessed: 12.12.2022).
21. Yu Shenglin, Toropova A. V. Developing the National Style of Piano Music in the Context of the History of Instrumental Art in China. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 106–121 (in Russian). DOI: 10.31862/2309-1428-2022-10-1-106-121.
22. Scriabin N. O muzykal'nom i poeticheskom nasledii tsivilizatsii aztekov [On the Musical and Poetic Heritage of the Aztec Civilization]. Available at: <https://www.indiansworld.org/aztecpoet.html#.y5xcon5bw2w> (accessed: 12.12.2022) (in Russian).
23. Toropova A. V. Muzykal'noe obrazovanie kak antropopraktika [Musical Education as Anthropopractics]. *Rossijskie pedagogicheskie assamblei iskusstv v Magnitogorske* [Russian Pedagogical Arts of Arts in Magnitogorsk]. November 24–27, 2020: Scientific and practical

- Conference “Childhood Phenomenon in Culture and Art”. Comp. by G. E. Gun. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Conservatory named after M. I. Glinka, 2020, pp. 12–18 (in Russian).
24. Toropova A. V. [Musical and Psychological Anthropology: Scientific and Educational Project. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects for Science and Education: International Electronic Scientific Journal*. 2020, no. 6 (48), pp. 300–310. DOI: 10.32744/pse.2020.6.23 (in Russian).
25. Toropova A. V. Antropologicheskij podhod v muzykal’no-pedagogicheskom obrazovanii [Anthropological Approach in Musical and Pedagogical Education]. *Fundamental’nye problemy gumanitarnyh nauk: opyt i perspektivy razvitiya issledovatel’skikh projektov RFFI* [Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Prospects for the Development of Research Projects]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation of Barnaul, September 24–26, 2020. Scientific. Ed. N. A. Matveeva; Ed. T. P. Dryerina. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy, 2020. 532 p. (in Russian).
26. Chernigovskaya T. V. *Scientific Report “Confused Man – Homo Confusus and New Digital Reality”, at the Meeting of the Academic Council of St. Petersburg State University 09/30/2019*. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=3V0J_rSA4Zk&feature=youtu.be (accessed: 11.03.2022) (in Russian).

Submitted 11.11.2022; revised 12.12.2022.

About the author:

Alla V. Toropova, Professor of the Department of Methodology and Technologies of Pedagogy of Music Education named after E. B. Abdullin of the Institute of Fine Arts of Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Malaya Pirogovskaya st., 1, building 1, Moscow, Russian Federation, 119435), Doctor of Pedagogy, Doctor of Psychology, Professor, allatoropova@list.ru

The author has read and approved the final manuscript.